

В старину ставили храмы на полях сражений в память о героях и мучениках, отдавших за Родину жизнь. На Куликовом, на Бородинском, на Прохоровском белеют воинские русские церкви. Эта книга — храм, поставленный во славу русским войскам, прошедшим Афганский поход. Александр Проханов писал страницы и главы, как пишут фрески, где вместо святых и ангелов — офицеры и солдаты России, а вместо коней и нимбов — "бэтэзры", и танки, и кровавое зарево горящих Кабула и Кандагара.

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

СЕДОЙ СОЛДАТ

Александр Проханов

Мусульманская свадьба

«ЭКСМО»

Проханов А. А.

Мусульманская свадьба / А. А. Проханов — «Эксмо»,

© Проханов А. А.

© Эксмо

Александр Андреевич Проханов

Мусульманская свадьба

Учитель Фазли – смуглое молодое лицо в легких, едва заметных оспинах. Черные, с плавной линией усы, в которых блещут белые зубы. Внезапная застенчивая, нежная улыбка. Вишнево-черные выпуклые глаза, глубокие, умные, в которых ожидание, доверие, стремление понять. И мгновенная тревога: так ли он понят? То ли услышал в ответ?

Начальник разведки Березкин – белесый, лысоватый, с красным, облупленным носом, в рыжеватых веснушках, с бледными голубыми глазами, в которых среди вялой прозрачности вдруг остро, зорко блеснет огонек. Губы у него растресканные, жесткие, непримиримые. Хрипловатый настойчивый голос, словно что-то содрано в горле, какая-то невидимая царапина проведена в гортани, в голосе, в самой душе. И от этого – постоянное неудобство в общении с ним.

И он сам – третий, сидящий в этой маленькой комнатке, где на тесном столе – чайник, пиалки, разноцветные конфеты, насыпанное на тарелку печенье. Лейтенант Батуринов, военный переводчик, чьи мысли, слова, выражение лица повторяют попеременно мысли, мимику, слова собеседников. Будто он, Батуринов, взвешивает эти мысли. Снимает легкие щепотки с одной медной чаши, перекладывает на другую и вновь переносит на первую, наблюдая шаткое колебание стрелки, равновесие беседы, лишь слегка, незаметно, насколько позволяют ему опыт и такт, управляет чутким колыханием весов. Так дукащик в лавке подхватывает деревянным совком горстку чая, отделяя ее от черной, насыпанной пирамиды, мечет на желтое, в выбоинах, блюдо, зорко поглядывает на покупателя, на товар, на колеблемое острие.

– Скажи ему, – повторил Березкин, – оружие амиру Сейфуддину дадим, как обещали. Два грузовика отправляем. Но тяжелого вооружения пока пусть не ждут – только стрелковое! – Начальник разведки ворчливо, чуть в сторону, не для перевода, добавил: – Тяжелое им еще заслужить надо! А то нахпают минометов – и обратно в горы, и из этих же минометов – по нашим постам!.. Скажи ему: два грузовика с автоматами!..

Батуринов смягчал ворчливые, нелюбезные интонации Березкина. Переводил и видел, как серьезно, не мигая, стараясь все понять и запомнить, слушает учитель Фазли. Мягко кивает, благодарит – то ли за оружие, то ли за важное, доверенное ему сообщение.

Его голубоватый перон – долгополая рубаха навывпуск – выглядел чистым и свежим, несмотря на длинный, проделанный по пыльной дороге путь. Полотняный тумбан – широкие шаровары – опадал мягкими складками. Люнги – темная, пышно замотанная чалма мерцала серебряными, вплетенными в ткань нитями. Руки, длиннопалые, смуглые, перебирали черные костяные четки, нанизанные на красный шнурок.

Учитель Фазли был посланцем вооруженного отряда Сейфуддина, заключившего мир с правительством, повернувшего свои стволы против сильных, многочисленных воинов муллы Акрама. Посланец добирался на встречу с советским разведчиком ночью, тайно. Был подобран Батуриновым у обочины, в тени корявого дерева, где сидел, завернувшись в пату – плотную, спасающую от холода и от солнца накидку. В машине с занавешенными шторками был приведен в гарнизон. И их свидание было встречей двух разведчиков, прощупывавших прочность и истинность заключенного недавно союза.

– Пусть покажет, куда им доставить оружие! – Начальник разведки расстелил на столике карту, накрыв ею пиалки и чайник.

Учитель Фазли наклонился, разглядывал. Узнавал очертания долин и ущелий, петляющих дорог, кишлаков, где жило его пуштунское племя, возглавляемое осторожным амиром Сейфуддином, чьи воины до недавнего времени выходили в засады на трассу, жгли военные грузовики и цистерны, покрывая дорогу пятнами крови и копоты, черными коробками изуродованных машин.

– Оружие, если будет угодно командору, следует привезти в Карахель. – Учитель Фазли легко, быстро коснулся карты розовым ногтем. – Сын амира Маджид примет оружие. Маджид получил от отца сильный отряд. Он пойдет вместе с вами на войну против муллы Акрама. Ему нужно много оружия. Если бы командор прислал минометы, Маджиду было бы легче воевать с муллой Акрамом.

Батурин перевел, стараясь передать деликатную настойчивость просьбы, в которой присутствовали и длящийся неоконченный торг, и обмен услугами и гарантиями, и сложная смесь лукавства и искренности.

– Нет, о тяжелом оружии после! Пусть минометы заслужат! Пусть на нас поработают!..

Боевые отряды амира контролировали отрезок дороги по ущелью, перевалу, многочисленным кишлакам и угольям. Блокируя трассу, затрудняли движение колонн. Примирение с Сейфуддином, превращение его враждебной, воинственной банды в дружественную было дорожкой военных побед. Прекращало борьбу на дороге. Стоило немалых денег, которые платил Сейфуддину Кабул. Стоило оружия, которое направлял Березкин. Несколько дней назад по дороге прошла небольшая колонна. Водители, подъезжая к ущелью, ожидали стрельбы, вжимались в сиденья, занавешивали стекла кабин бронежилетами. Зенитки сопровождения шарили по кручам, выискивая засады душманов. Но вместо привычной стрельбы и засад их встретили у обочины улыбающиеся вооруженные люди. Махали, кланялись, прижимали руки к груди. Вчерашние враги превратились в друзей. Охраняли, сопровождали машины. Через день по дороге пройдет вторая, большая колонна – наливники, грузовики со снарядами, с грузом ракет и мин. Ее продвижение, благополучие грузов и будет окончательным скреплением союза.

– Скажи: как только пройдет колонна, мы высылаем грузовики с автоматами, – подтвердил Березкин. – И еще. Пусть усилит осмотр «борбухаек». Мулла Акрам своих людей свободно перевозит от Карахеля до Фари Мангала. Одно из двух: либо вы с нами против муллы Акрама, либо вы с ним против нас!

Батурин перевел эту фразу так, что в ней исчез жесткий, похожий на угрозу оттенок, а прозвучала просьба партнера оказать поддержку и помощь против общего неприятеля.

– Сын амира Маджид закрыл дорогу для людей муллы Акрама, – заверил учитель Фазли. – Вчера был бой, и двое людей муллы были убиты у Карахеля. Если командор вовремя пришлет автоматы и отряд Маджида вооружится, мы поможем шурави разгромить кишлаки муллы. Наши люди первыми пойдут в Мусакалу и захватят муллу Акрама!

В это можно было поверить. Два феодальных князька, два вооруженных воителя соперничали между собой за господство над кишлаками в плодородной долине. Там, на тучных землях, выращивалась конопля, а из нее в маленьких домашних варильнях выделялся терьяк – ценный в Пакистане наркотик. Тюки с терьяком отправлялись в Пакистан, приносили феодалу деньги, оружие, власть. Мулла Акрам владел конопляниками на обширных плодоносных наделах, и его соперник Сейфуддин был не прочь потеснить соседа с помощью войск шурави.

Батурин, как и начальник разведки, знал истинную цену заключенному на время союзу. Не дружба с командиром советской части, не преданность кабульским властям, не идеи чуждой, далекой от них революции, не джихад, священная война под зеленым знаменем ислама, а зеленые поля конопли, мягкая, как пластилин, жвачка наркотика вовлекли в союз с шурави удельного князька Сейфуддина, стремящегося расширить удел. Все это понимали разведчики. Но союз был оправдан. Прекращал борьбу на дороге. Сохранял от разорения кишлаки амира. Сберегал водителям жизни. Ослаблял главного, не идущего на примирение врага.

Батурина, понимавшему корыстную суть союза, нравился учитель Фазли. Нравилась его мягкость, учтивость, милая дружелюбная улыбка, встречный мгновенный отклик на его, Батурина, дружелюбие.

Березкин писал в свой блокнот – пухлый, истрепанный, испещренный названиями кишлаков, именами главарей и агентов. На время оставил их обоих в покое. И оба они, пользуясь этим, беседовали о необязательном и приятном.

– Я слышал, уважаемый Фазли, что в вашем кишлаке недавно открылась школа и вы снова можете заниматься любимым делом, учить детей!

Батулин видел, как радостно дрогнули черные зрачки афганца. В мирной жизни он был учителем. Не его призванием было таиться от встречных, кутаться в накидку, пересаживаться с ишака на моторику, просиживать часами на солнцепеке, добывать военные сведения. Его призванием было – в маленьком классе глинобитной, всем миром построенной школы учить ребятишек, указывать тоненькой палочкой начертания букв на рукодельном плакате с рисунком цветка и верблюда. Он был благодарен Батулину за этот вопрос, оценил его как любезность.

– Уважаемый Батурхан, вы можете мне поверить, я никогда не стрелял в шурави. Я всегда почитал за великое несчастье, что шурави и афганцы должны друг в друга стрелять. Было время, когда шурави и афганцы называли друг друга «брат». Такое время, я надеюсь, скоро вернется. Я буду рассказывать детям все хорошее, что знаю о вашем народе, и ничего такого, что могло бы внушить им ненависть. Я буду рассказывать о нашем с вами знакомстве, дорогой Батурхан!

– Я помню, вы сказали – ваш младший брат ранен. В каждую семью война принесла беду. Сквозь каждый дом пролетела пуля.

– Очень много несчастий, очень много вдов и сирот. Но, слава Аллаху, мой брат выздоровел и недавно женился... была свадьба. Люди радовались, что не нужно стрелять в людей, а только в воздух. Радовались, что можно посидеть, поесть кебаб, побеседовать, отложив винтовки. Очень хорошая была свадьба. Сейчас зима, нет полевых работ, и молодые люди женятся. В кишлаках повсюду свадьбы. Если бы наш союз установился раньше, брат непременно пригласил бы вас на свадьбу. Я рассказываю ему о вас. Он вас почитает.

– Передайте брату мои поздравления! Пусть он будет счастлив!

Батулин представил, как в зимних кишлаках, среди коричневых и серых дувалов, безлистных садов, пепельных, омертвелых полей с остатками прошлогодней стерни расцветают мусульманские свадьбы. Пестреют ковры и подушки. Нарядные люди вольно сидят на коврах у дымящихся блюд. Звенят сладкозвучные струны. Гремят барабаны и дудки. И внезапная, нестрашная, веселящая душу пальба из старинных пуштунских ружей. Славят рождение новой семьи, продолжение рода, достаток в доме, урожай в полях. Во всех долинах, «зеленках», если пролететь над ними в зимнем холодном небе, расцветают мусульманские свадьбы.

– Скажи ему, пусть приходит опять послезавтра! – Березкин закрыл свой блокнот. – Будет сопровождать в Карахель оружие. Наша колонна подойдет как раз через день, вот и посмотрим, как ее Сейфуддин пропустит. Дружба дружбой, но, если обманет, наша артиллерия их повсюду достанет, самолеты их повсюду накроют!

Батулин передал приглашение, умолчав об угрозе. Своей улыбкой, полупоклоном постарался сгладить нелюбезное, раздраженное выражение на обгорелом лице Березкина.

Свидание было окончено.

– Отвезешь его и сразу зайди ко мне в штаб! – приказал лейтенанту начальник разведки, пожимая руку афганцу, с трудом выдавливая на своих твердых губах подобие улыбки.

В зашторенной машине Батулин провез учителя Фазли по дороге, туда, где кончался гарнизон, обрывался пыльный, унылый кишлак с редкими велосипедистами и прохожими и открывалась пустынная рыжая степь. Они простились под корявым деревом, и, отъезжая, Батулин видел: афганец опустился на землю, укутался в накидку и замер, будто придорожный камень.

Он вернулся в штаб, в серый дощатый модуль рядом с пыльным плацем, на котором уныло топталась рота. Мимо дежурного прошел в кабинет начальника разведки. И застал там полковника, командира части. Оба, командир и Березкин, рассматривали глянцевитые фотографии аэрофотосъемки. С большой высоты самолет-разведчик, пролетев над Мусакалой, родовым именем муллы Акрама, сфотографировал вафельные узоры полей, клетчатый чертеж кишлака, ветвящиеся арыки, крохотные лунки подземных каналов – кяризов, окрестные горы, сухие и полноводные русла, паутину троп и дорог. Скрытый от глаз, упрятанный за глинобитные стены, притаившийся в ущельях, мир афганских селений оказался открытым для объективов фоторазведки, для прицелов бомбометания.

– Вот сюда, по его дому, ночью ударить бомбочкой, когда он спит и не видит! – Полковник спичкой касался крохотных, прилепившихся один к другому квадратиков – жилища муллы Акрама, которое там, в кишлаке, было обширным домом за высокими стенами, с угловыми круглыми башнями, фруктовым садом, водоемом, конюшней, со множеством пристроек и служб, где обитали женщины, размещались охрана и слуги. Феодальный замок посреди кишлака был центром и оплотом уклада, а его владелец правил, судил и наказывал, как делали века до него. – Если точно ударить бомбочкой, мы его накроем как мишеньку! – Командир постукивал спичкой по глянцевитому снимку, там, где слабым, едва различимым надрезом темнели траншеи, пулеметные гнезда, позиции зенитных орудий – линия обороны Мусакалы.

Батулин слушал их разговор, понимая замысел предстоящей операции. Был участником этой борьбы, был военным. Но иная, притаившаяся в нем сущность, мешала ему быть военным, желать разрушения замка, испепеления усадьбы, вторжения в мятежный кишлак. Эта сущность состояла из робкой неуверенности, из симпатий, сострадания, острого интереса и любознательности. Она располагала душу к этой удивительной земле и природе, к целомудренной и богатой культуре, к наивному, смелому, добродушному, очень красивому и здоровому народу, на который свалилось несчастье – гражданское междоусобие и распря. Разрывало устоявшийся быт, разоряло древний уклад. Расшвыривало в разные стороны семьи и племена. Ожесточало, озлобляло. Превращало кишлаки и ущелья в боевые крепости, в опорные пункты, в минные поля и преграды.

Нет, не с боем он хотел бы войти в кишлак. Не хотел бы видеть из люка развороченный взрывом дувал, убитого снарядом верблюда, упавшего на пулемет моджахеда. Он хотел бы появиться в селении в чалме и накидке, в раздуваемых на ходу шароварах, как путник, как гость. Услышать крик муэдзина в прохладной деревенской мечети, где по стенам, вышитые на фольге и на шелке, висят изречения из Корана, стоят у входа чувяки и единым, многоглавым поклоном падают к земле горбоносые лица, клонятся черные бороды, закрываются в молитве глаза... Хотел бы пройти мимо тесных, горячих дувалов, нагоняемый цокотом овечьих копыт. Пастух с клюкой прогонит отару, развесит в воздухе запах пыли, скотины, сладкого соснового дыма, гром бубенца. Мальчишка пронесет разноцветную птицу в плетеной клетке... Хотел бы посидеть на ковре в окружении гостеприимных хозяев, принимая из любезных рук пиалу горячего чая, слушая неспешный рассказ о ценах на хлеб и на мясо, о свадьбе соседского сына.

– Вот здесь меня волнуют два кишлака на подходе. – Полковник коснулся спичкой сетчатого узора на фотографии, будто кто-то приложил к земле палец, оставил свой отпечаток. – Пойдет по дороге броня – ее здесь обязательно встретят огнем. Надо узнать, сколько у них тут штыков, какая минная обстановка. В этом кишлачке у муллы размещен головной отряд Махмудхана. О нем бы побольше узнать!

Березкин сверялся с картой. Заносил в блокнот названия кишлаков. Опять обращался к снимкам. Батулин не участвовал в разговоре, но из прежних операций, из прежнего, двухлетнего опыта предвидел ход событий.

Броневая колонна – бэтэры, танки, боевые машины пехоты – двинется к Мусакале, избегая проторенных дорог, съезжая в сухие русла, посылая вперед машины разминирования.

Катки на танковых тралах проутюжат колючую землю. Подрыв, короткий металлический грохот, окутанные дымом танк, санитарная, с зажженными огнями «таблетка». Стальная колонна, втягиваясь в ущелья, преодолевая мелкие броды, обрабатывая из пушек окрестные кишлаки и высоты, выйдет к Мусакале, к ее тополям, кипарисам, глиняным минаретам и башням, скопищу саманных построек.

Медленно, проползая овраги, мотострелковые роты окружают кишлак, займут высоты, встанут на «блоки», наведут стволы в сторону белесых построек. Мобильные группы разведки уйдут в предгорья, встанут в засадах, отрезая пути отхода, минировав горные тропы.

Командный пункт раскроет пятнистые сети, укроет под ними фургоны, станции связи, жилища штабистов. На взгорье батареи колесных гаубиц, гусеничных самоходок, реактивных орудий возьмут под прицелы размытые контуры куполов и дувалов, прозрачные тополиные рощи. И полковник, нацелив бинокль, поглядывая на синее небо, станет ждать, когда донесется поднебесный металлический гул – прилетят самолеты.

– Наших новых союзников, людей Сейфуддина, встретим вот здесь. – Командир обратился к карте. – Посадим их к себе на броню, подтянем вплотную к Мусакале. После бомбоштурмового удара в арналете пусть идут вперед, прочешут кишлак. Сами разберутся с муллой Акрамом!..

И это видел Батурин – действие «дружественной банды», прочесывающей кишлак. Гибкие, осторожные, ловкие, забросив за плечи накидки, крадутся вдоль дувалов, готовые стрелять, кидаться наземь, нырять в кяризы. Просачиваться во дворы и постройки. Жадные, алчные, шарят по домам, роются в матерчатых ворохах, наталкивают в мешки шелковые ткани, серебро, фарфоровые вазы, часы. Кишлак в дыму и зловонии. Оставлен жителями, покинут боевыми отрядами, отдан на разграбление. Подавлен, сломлен еще один оплот мятежа. По ущельям, таясь от вертолетов, тянутся караваны верблюдов, вереницы детей и женщин. Уходят в горы, прочь от войны. Всадник в чалме, слыша далекие взрывы, с ненавистью сжимает винтовку.

– А все-таки, товарищ полковник, план наш с вами удался! – Березкин улыбнулся сухими, шелушащимися губами. Его усталые, вечно настороженные глаза потеплели и усмехнулись. – Сейфуддина мы замирили. Нам бы его сейчас громить, ловить по ущельям, а он вот он, пожалуйста, лучший друг! С нами идет на муллу Акрама! А ведь кое-кто нас отговаривал. Кое-кто нам не верил. Я убедился, товарищ полковник, все эти разговоры, которые ведут посольские умники: ислам, «война за святую веру», «зеленое знамя Аллаха», – это все вздор. Восток признает силу и ей подчиняется! И деньги берет, кто бы ни давал! А Аллах за тех, у кого больше штыков и афгани! В этом я успел разобраться.

Батурин выслушал эти слова почти с испугом. Молодой офицер, переводчик, он не влиял на решения, принимаемые старшими по службе. Но его собственный, по крохам добываемый опыт, его сложное, из предчувствий и догадок, влечение к этой земле и народу говорили, что в этой войне и трагедии присутствует не разгаданная ими, пришельцами, суть. Только любовь и терпение, бережное проникновение в сердцевину народной души могут разгадать эту суть. Не разрушить, а сохранить. Не ожесточить, а привлечь. Иначе продолжится бессмысленная бойня, продлится война.

Так думал он на второй год своей службы. Но не мог поделиться своими мыслями с начальством.

– Когда я служил в Группе войск в Германии, – продолжал Березкин, – вот там была работа! Разве сравнишь? Здесь все примитивно, топорно, одно слово – Азия, Средневековье! Там противник – немец, американец! Настоящий «театр», метода, цивилизация! Радиоперехваты, космос! Скрупулезный анализ источников! Там была школа... А меня, с этой школой, – в кишлаки, к верблюдам! Смешно!.. Но все-таки и у нас бывают светлые минуты. Переманили к себе Сейфуддина!

Его лысоватая белесая голова с красной, сожженной кожей наклонилась над картой. И пока он рассматривал предполагаемый маршрут продвижения и те два кишлака, где базировался головной отряд Махмудхана, Батурин молча, отчужденно смотрел на него, удивляясь, как сочетаются в этом умном, неутомимом, преданном делу человеке профессиональная глубина и наивность, знание предмета разведки и глухота к тонким энергиям восточной жизни.

– Очень важно, что амир Сейфуддин пойдет вместе с нами на Мусакалу, – сказал командир. – А еще важней, что он открыл дорогу и наши транспортные колонны пойдут без потерь. Самые большие потери в колоннах, – вздохнул он. – Жду от вас результатов. – Он отложил аэрофотоснимки и вышел.

– Все понял? – спросил Березкин, обращаясь к переводчику. – Сейчас ступай к себе, можешь отдохнуть. Через полчаса на вылет! Двумя «вертушками» идем добывать «языка» в район Мусакалы! У них там, у чертей, сильная пэвэо! Как бы не напороться! – И, забыв о лейтенанте, начальник разведки опять склонился над картой. Что-то нашептывал своими узкими, запекшимися губами.

Его жилище – маленькая полутемная комнатка, клетушка в саманном доме – притулилось на краю гарнизона. Если не зажигать электричества, в комнату сквозь крохотное кривое оконце с тусклым осколком стекла сочился синеватый, размытый свет. Едва освещал стол с бумагами, фотографию матери на столе, изразец, подобранный у стен разоренной мечети. Кровать с шерстяным одеялом, умывальник, автомат в изголовье – все оставалось в тени.

Он улегся поверх одеяла, прислушиваясь к жужжанию вертолетов. От звука начинало дрожать не закрепленное в оконце стекло. Казалось, что синеватый свет звучит и трепещет и комната наполнена вибрацией света. Сквозь тонкую стену слышались голоса. Батурин знал – это солдаты, улучив минуту, завернули за угол, перекуривают здесь, у стен его жилища, подальше от глаз командиров.

Он чувствовал себя усталым, огорченным, почти больным. Мучила его не телесная хворь, а связанная с работой неудовлетворенность. Общаясь с афганцами, устанавливая между ними и теми, кому помогал в переводе, – командиром, Березкиным, офицерами штаба – истинную, прочную связь, он каждый раз ошибался, промахивался, упускал что-то важное, таящееся не в словах, а в интонациях, взглядах, неназванных чувствах. Ему казалось, что в этих промахах повинен он, что его знания недостаточны. Он, афганист, не знает страны и народа.

Он пытался понять психологию, внутренний мир афганцев, наблюдая их в часы веселья, в часы беды и молитвы.

Он бывал ими принят как гость. В самом бедном, скромном жилище, на пыльной кошме бедняка. Был окружен их лаской, любовью. Выставляли последнее – сухую лепешку, вяленый ломтик мяса, жидкий чай в разбитой пиале. Но от сердца, от всей души. И грози ему в эту минуту опасность, напади на него враг, хозяин сорвет со стены свою старую пуштунскую винтовку и станет защищать его, как брата, как сына.

Он угадывал их лукавство, когда в дуканах хитрили, утаивали, увиливали от прямого ответа купцы и менялы, сребролюбцы, видели в нем простофилю, чужака, иноверца. А когда выводили их на чистую воду, смущались, улыбались, быстро шли на попятную.

Видел в час смерти. Двух захваченных в плен моджахедов, когда афганские «командос» прочесывали мятежный кишлак. Обоих взяли с оружием – не успели засунуть винтовки под стреху виноградной сушильни. Их поставили тут же, у глинобитной стены. Оба молчаливые, молодые, высокие, с длинными, опущенными вдоль тела руками, смотрели на своих убийц с откровенной, разящей ненавистью. Огненно-черные, пылающие, испепеляющие глаза. Стояли плечом к плечу, глядя, как поднимаются стволы автоматов. Сколько раз в ночи настигал Батурина их огненный, ненавидящий взгляд!..

Видел их в час молитвы, когда садилось солнце и степь начинала краснеть, струилась, стекленела. В зеленом небе стояли алые горы. Путник, расстелив у обочины молитвенный ков-

рик, совершал вечерний намаз. В его молитве, в его закрытых глазах, в обращенных к богу воздыханиях были истовость, глубина. И казалось, его молитвой сберегаются зеленое небо, далекие горы, хлебные нивы, сады.

За стеной слышались солдатские голоса.

– Да его пристрелить было мало, не то что морду набить! Мне вон ротный судом грозит, а мне не страшно! Я в пустыню ходил. Мне после пустыни никакие суды не страшны! – говорил один, хрипловатый и яростный, звучно сплевывая.

– Пусть в пустыню сходят, караван забьют, а тогда и судят. А пока не сходили, неизвестно, кто кого судить должен! – отвечал второй, насмешливый, умолкая на время коротких сигаретных затяжек.

– Эти, которых из Ленинграда, из Москвы набирают, самые поганые, бессовестные! И дураки! Их первыми пуля находит. Не могут выжить в пустыне! Их пустыня не принимает. Я сразу вижу, кого когда кокнет. У них на лицах написано.

– Уж это точно! Москвичи – лопухи. Ленивые. И терпеть не умеют.

Батурин рассеянно слушал. Оба солдата были десантниками, что уходят в засаду в пустыню на истребление караванов с оружием. Быть может, оба полетят сейчас вместе с ним на захват «языков». Их ирония, ожесточение – солдатское понимание жизни все той же мудростью, приобретаемой в крови и слезах.

– Я ему говорю: «Ты флягу взял, она у тебя одна на сутки! Береги! Терпи! Не пей! Днем пить впустую. Выпил, и вся вода из подмышек вышла. Ты ночи, дурень, дождись, тогда и пей!..» Нет, не слушает! Всю флягу высосет и сидит мокрый, как мышь, глаза пучит!.. Зло берет! Думаешь, зарыл бы тебя, гада, в песок! Москвичи, они самые дикие, честно!

– Это уж точно! Да и ленинградцы такие же!

Зеленый изразец на столе мерцал, лучился, и казалось, – глазурованная глина из купола старой мечети и есть источник света, озаряющий комнату. Батурин смотрел на изумрудное свечение глины, слушал голоса за стеной.

Его основная работа в воюющей части требовала всех сил и энергии. Приучила к бессоннице, к постоянной готовности по первому знаку, приказу мчаться на вертолете, бэтээре, штабной машине, ночью и днем, в пекло и холод. Допросы пленных, тайные встречи с агентами, работа на фильтропунктах, куда из окруженных мятежных кишлаков перед началом удара выкликалось, вызывалось по мегафонам мирное население. Уходили женщины, дети, старики, с кулями, с поклажей, скотиной. И он, тоскуя, сострадая и мучаясь, направлял кого к врачу, кого к повару, кого в тень брезентовых тентов, и уже начинала грохотать артиллерия, клубились в кишлаке разрывы, и в ответ из-за дувалов стучали крупнокалиберные пулеметы душманов. Он был в постоянных трудах, черных, не оставлявших минуты для созерцания, любования, осторожного, бережного постижения. Но все же сквозь скрежеты и вопли войны стремился понять жизнь народа – для другого, почти невозможного мирного времени, после окончания насилий и боен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.